

DOI: 10.46698/VNC.2024.79.68.001

Гарник Асатрян

*Институт Востоковедения,
Российско-Армянский (Славянский) Университет
Ереван, Армения*

О ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ В ШАХНАМЕ: СЕМЕЙСТВО РУСТАМА

Статья представляет собой анализ некоторых личных имен в «Шахнаме», в частности, ближайших родственников центральной фигуры эпоса — Рустама, его матери Родабы и сына Сухраба. Кроме того, впервые предпринимается попытка этимологии имени Сухраб.

К л ю ч е в ы е с л о в а: личные имена в Шахнаме, Рустам, Нариман, Сам, Зал, Родаба, Сухраб, Тахмена, Фарангис, Искандар, чеснок.

0. Ономастикон Шахнаме очень богат: почти 400 личных имен, плюс топонимы, титулы, названия реалий и т. д. — в целом около тысячи единиц. Понятно, что познания Фирдоуси по истории и культуре домусульманского Ирана не могли охватывать такой широкий и разнообразный спектр. Скажем, в сфере антропнимии он, наверное, знал не более двух десятков арабо-мусульманских имен и, пожалуй, несколько иранских, типа Хусрав, Хурмуз (или Урмазд), Джамшед, Кубад, Кайкавус, Нахид, Рустам, Сийаваш и т. д.

Создание такого грандиозного художественного творения как Шахнаме, охватывающего тысячелетний временной континуум, без наличия фундаментальных письменных источников, причем с системным изложением материала, в X веке было абсолютно невозможно. Поэт не мог придумать в целом слаженную сюжетную линию такого охвата с описанием давно минувших исторических событий, деталями из домусульманского прошлого, зороастрийских реалий, топонимов и сотен имен, которые в его время уже давно были забыты.

Основным источником для Фирдоуси послужило сочинение, известное под названием *Шахнама-йи Абу Мансури*, написанное по поручению Саманидского правителя Абу Мансура Мухаммада Ибн Абдаль-Раззака четырьмя зороастрийскими священниками, магами, в 957 году в Тусе (Хорасан) — родном городе поэта. Оно представляло собой общее изложение истории Ирана до арабских завоеваний страны на основе зороастрийской

традиции и известных авторам пехлевийских текстов, по большей части ныне утраченных. Другим базовым источником информации для Фирдоуси мог выступить составленный в позднеасанидский период по приказу Хусрава Ануширвана (531-579) так называемый *Хватай-намак* (в новоперсидском *Худай-нама*), а, скорее, некие персидские версии этого труда, который описывал по всей видимости мифо-историческую хронику Сасанидского Ирана. В VIII веке он был переведен на арабский Ибн-Мукафрой, известным также своим переводом пехлевийского *Калила и Димны*. *Хватай-намак* («Книга правителей»), был впоследствии переведен с арабского на персидский. Кстати, могло быть и несколько версий переводов на персидский, одна из которых, возможно, и оказалась у Фирдоуси. К сожалению, ни *Шахнама-йи Абу Мансури* (кроме его Предисловия), ни *Худай-нама* не сохранились. Но можно с уверенностью сказать, что основной материал этих сочинений нашел отражение в «Книге царей» Фирдоуси, которую именно поэтому иногда и называют версификацией *Шахнама-йи Абу Мансури*. Фирдоуси наверняка не знал пехлевийскую письменность и не мог читать тексты на среднеперсидском, хотя время жизни поэта, X-XI вв., как раз совпало с периодом расцвета пехлевийской письменности после падения Сасанидов, уже в условиях доминирования ислама.

1. Относительно личных имен действующих лиц Шахнаме следует отметить, что, несмотря на наличие под рукой богатого корпуса имен и обозначений из указанных выше источников, Фирдоуси нередко и сам придумывал имена или переименовывал их исходя ради рифмы или по иным соображениям. Например, имя *Rādmān*, считающееся обычно именем некоего армянского полководца, *Sipāhdār-i Armīnīya Rādmān*, на самом деле придумано Фирдоуси в качестве эпитета «Мушела-армянина» — *Mūšel-i-arman* (историческая личность Мушег Мамиконян), который командвал армянскими войсками, поддерживающими Хусрава II в его борьбе против Бахрама Чубина. Слово создано поэтом на основе прилагательного *rād-maniš* «великодушный», здесь — в значении «благородный». Такую же словообразовательную модель он использовал для создания имени туранского воина *Bārmān* в значении «высокомерный» — на основе незасвидетельствованного в персидском **abar-maniš* (ср. ср.-перс. *apar-manih* «высокомерие»). Интересно также имя дочери правителя Турана Афрасийаба и жены Сийаваша — *Фарангис*, очень распространенное ныне в ираноязычных сообществах, особенно собственно в Иране. В наиболее ранних рукописях Шахнаме имя выступает как *Фаригис* (*Фарангис* на самом деле — результат позднего ошибочного прочтения переписчиков). Так вот, оригинальная форма имени в источниках Фирдоуси, вероятнее всего, **Гисфари*. В пехлевийских текстах, например, в Бундахишне оно засвидетельствовано в виде *Vispān-frih* (Wsp'nplyh), что означает «любимая всеми». Вследствие такого

же «трюка» поэта мы имеем мужское имя *Фарибурз* (в современном персидском звучании *Фариборз*), из **Бурзфари*, которое также довольно популярно сегодня.

1.1. Кроме подобных авторских интервенций в передаче имен, хотелось бы также *inter alia* вкратце рассмотреть и систему отражения инородных имен в Шахнаме, прежде всего греко-римских, которые, как правило, передаются по арабской модели. Например, *Farfūryūs*, соответствующее Порфύριος (*Porphyrius*), или *Fīlqūs*, имя македонского царя Φίλιππος (*Philippos*) и т.д. В тексте Шахнаме отмечены два армянских имени: *Мушел*, которое точно передает раннее звучание армянского *Mušel* (сегодняшнее армянское фрикативное *γ* до XI века звучало как твердое *l*, которое в заимствованиях в соседних языках отражалась как простое *l*) и «армянский храбрец» *Бабой* (*Babōy*), которое образовано от *Bāb* (ср.-перс. *Pāp*, арм. *Pap*) с диминутивным суффиксом *-ōy*. В целом армяне в Шахнаме упоминаются одиннадцать раз, практически всегда — с восторженными эпитетами. Они участники почти всех описываемых Фирдоуси исторических событий в позднесасанидском Иране; армянские воинские соединения упомянуты в составе сасанидской армии в судьбоносном сражении при Кадисии (636г.) против арабских войск под командованием Са‘да ибн Аби Ваккаса.

Интересно упомянуть также интерпретацию имени Александра Великого, которая приводится в истории *Andar zādan-i Iskandar az mādar* «О рождении Александра». Согласно версии Шахнаме, Александр является сыном иранского царя Дараба. Последний женится на дочери римского императора Нахид, но вскоре узнает, что у Нахид зловонное дыхание. Для лечения этого недуга Дараб приглашает именитых лекарей, одному из которых удается исцелить царицу с помощью некоего растения, называемого римлянами *искандар*. Растение очень острое на вкус, обжигает рот и нутро. Тем не менее, иранский царь возвращает жену ее отцу, императору (*qayšar*) Рима (Византии). Последний, обидевшись на царя, усыновляет вновь рожденного ребенка и называет его *Искандар* в честь целительного растения.

Насколько мне известно, до сих пор никто не задавался вопросом, что за растение скрывается под упомянутым названием, разве что, помнится, в начале 1980-х, в бытность мою аспирантом ЛО ИВАН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН в Петербурге), на одном из регулярных Фреймановских чтений Иван Михайлович Стеблин-Каменский предположил, что это растение — чеснок. Сейчас мне трудно вспомнить подробности его аргументации, но она казалась мне убедительной, поскольку соматический характер чеснока действительно мог быть решающим при лечении дурного запаха изо рта царицы. Скорее всего, в указанном контексте мы и вправду имеем дело с чесноком, поскольку в некоторых традициях образ Александра действительно связан с этим растением. Например, в

одном из армянских народных преданий говорится, что Александр всегда перед выходом на ратное поле выпивал бокал чесночного эликсира в качестве напитка бессмертия (см. Łanalanyan 1969: 280). Как бы то ни было, я более чем уверен, что обозначение чеснока как *искандар*, арабо-персидским вариантом имени Александр, навеяно сходным его звучанием с греческим названием чеснока, т.е., σκόροδον (в византийском греческом и в новогреческом σκόροδον или σκόραδον). Более того, подобная интерпретация имени *Искандар* могла возникнуть, вероятнее всего, в недрах арабо-персидской народной фармакологии, (несмотря на то, что в дошедших до нас фармакопеех и трактатах народной медицины мне не удалось обнаружить релевантных фактов), ибо греческое σκόροδο(v) могло передаваться в арабской графике, скорее всего, с метатезой, как *اسكدر [iskadar], которое легко воспринималось как обыкновенный *tashīf*, т.е. ошибкой переписчика при написании имени اسکندر [Iskandar]. Тем более, что, как Фирдоуси утверждает, чудо-растение называется *искандар* именно в Руме, т.е., в Византии: *Bi rūm andar Iskandaraš nām būd*.

2. Весьма занятную картину представляют собой личные имена истории Рустама, ключевой фигуры всего эпоса, символа «Книги царей». При этом, сказание о Рустаме является, по сути, частью другой иранской мифоэпической традиции, мастерски вплетенной Фирдоуси в канву повествования. Эту традицию условно называют Систанский (Сакский) эпический цикл, который, судя по его многочисленным, в том числе, более поздним литературным воплощениям (например, *Гаршасп-нама* Асади Туси, *Нариман-нама*, *Бахман-нама*, *Фарамарз-нама*, *Барзо-нама* и т.д.) представлял собой отдельный объемный эпос. История Рустама — лишь небольшая его часть, взятая Фирдоуси из устной версии, имевшей хождение в его время. Вообще, вся эпопея Рустама зиждется на фольклорной основе, в отличие от остальных частей Шахнаме, основанных на письменных источниках.

Довольно ощутимый сегмент имен Шахнаме (например, *Манучихр*, *Кайумарс*, *Джамшед*, *Фаридун*, *Хошанг*, *Арджасп*, *Зарер*, *Баствар*, *Афрасиаб*, *Гарсевоз*, *Гаршасп*, *Агрерас*, *Сийаваиш*, *Новазр* и т.д.) восходит к Авесте — разумеется, через поздне-пехлевийскую и раненовоперсидскую передачи (кстати, во времена Фирдоуси уже почти забытые). При этом, в семье Рустама только его прадед, Нариман, и дед, Сам, носят имена авестийского происхождения — соответственно, *Nərəmanah-* «обладающий мужским задором/духом» (ср.-перс. *nlymn* [Naŕīman], арм. *Nariman* < прот.-иран. **nariija-manah-*) и *Sāma-* «черный» (?) (ср.-перс. *s'm* [Sām], согд. *s'm/s'xm* [Sā(x)m], бактр. Σαμο, арм. *Sam*, возможно < прот.-иран. **siāma-*). Нариман и Сам фигурируют и в поздних зороастрийских текстах в связи с легендарным Гаршаспом (*Kərəsāspa-*), выступая в разных генеалогических комбинациях (см. SPIEGEL 1871: 558ff.; JUSTI 1895: 225, 280f.).

Но уже имена родителей эпического героя, Зала и Родабы, самого Рустама и его сына Сухраба не имеют древнеиранских аттестаций. Все они — скорее, продукт среднеиранского периода, кроме, кажется, имени главного протагониста, Рустама, которое однозначно восходит к древнеиранскому состоянию.

Этимология имени отца семейства, *Zāl*, довольно прозрачна — оно означает «седоволосый, старец» и является регулярным отражением древнеиранского **zarθa-* «старость» → «старый» (прот.-иран. **zarH-* «стареть»; ср. ав. *zarāta-* «старый»; хот.-с. *ysīra-* «стареть», пашто *zor/zarā* «старый», ос. *zæronđ* «тж.» и т. д.).

Прежде чем перейти к собственно Рустаму, а также его матери и сыну, рассмотрим, между делом, и имя его жены, дочери правителя Самангана, которую Фирдоуси называет *Taxmena*. Я полагаю, оно придумано поэтом как параллельную форму к эпитету Рустама *tah(a)m-tan*, т.е. «сильный/могучий телом» (вряд ли с древнеиранским прошлым, из **tahma-tanu-*, скорее, создано *ad hoc* самим же автором Шахнаме). Фирдоуси, давая имя жене Рустама, наделяет ее тем же качеством, которым обладает ее муж: *Tahmēna* («сильная») образовано от незасвидетельствованного **tahmēn* «сильный» (с суффиксом *-ēn* < **-aina-*) по аналогии с арабскими женскими именами с суффиксом *-ah* (*tā al-ta'nīθ*) типа *Maḥbūba*, *Jamīla*, *Ḥadīja*, *Nafīsa* и т.д. (не думаю, что это из ср.-перс. **tahmēnak*). Параллелизм между *tah(a)m-tan* и *Tahmēna* очевиден. Обе эти формы, кстати, впервые встречаются именно в тексте Шахнаме.

2.1. Наиболее ранее упоминание имени главного героя персидского эпоса отмечено в греческом тексте, найденном в районе Дура Эурупос и датированном 250 годом н.э. в форме Ρωστάμος. Далее по хронологии идут арм. *Arostom* в «Истории Армении» автора V века Фавста Бузанда (Гл. 6,6) и *Rustam* (*Rostom*, *Rstom*) у Мовсеса Хоренаци (Гл. 7). Позже мы видим уже в VIII веке согдийское *rwstmy* [Rōstēmē]. В пехлевийских текстах имеем *lwtsthm* [Rōdstahm]. Очевидно, что первоначальная форма данного имени должна была быть с долгим *-ō-* в первом слоге, и его дальнейшее сокращение обусловлено соседством с последующим *-s-*, как в слове *bustān* «сад» (< др.-иран. **bauda-stāna-*) или *rustāq* «район, деревня» (< др.-иран. **rautas-tāka-*, дсл. «русло реки», ср. парф. *rwdyšt'g* [rōdistāg]) (хотя параллельно засвидетельствованы и формы с долгим гласным, *bōstān* и *rōstā(q)*). Таким образом, предполагаемая праформа имени в первом слоге имела несомненно дифтонг *-au-*. Основываясь на этом, Н. Симс-Уильямс (см. SIMS-WILLIAMS/SIMS-WILLIAMS 2014: 15ff.) склонен объяснять *Рустам* из др.-иран. **rautas-taxma-* в значении «обладающий силой реки; силен как река». Эта этимология, учитывая имена матери Рустама и его сына (см. ниже), кажется к настоящему времени наиболее приемлемой (см. также LURJE 2010: 333; YOSHIDA 2013). В конечном счете, осторожно предложенная Шерво (см.

СКЛÆRVØ 1998: 164) этимология из др.-иран. **rautas-tauhma-* «происходящий из реки» (через **Rōdstōhm*, с ранней народно-этимологической адаптацией с *tahm*) тоже может быть воспринята серьезно.

Другой важный эпитет Рустама в Шахнаме *sagzī*, что значит «систанец, сак», из ср.-перс. *sakčīk*, которое отмечено и у Хоренаци (там же) в форме *sagčīk* (в родительном падеже *Ārustamay sagčīki*).

Имя Рустама и, надо полагать, легенды о нем, проникли в Западный Иран предположительно в последний период Сасанидского правления (5-7 вв.), до прихода арабов.

2.1.1. Имя матери Рустама, *Родабы*, дочери правителя Забула, в отличие от имеющих среднеиранские свидетельства имен ее сына и, как увидим ниже, ее внука, *Сухраба*, нигде в памятниках среднеиранского периода не отмечено, впрочем, как и в персидской литературе до Шахнаме. Но не приходится сомневаться в аутентичности этого имени в контексте ономастической парадигмы семейства Рустама. Оно явно не придумано Фирдоуси, а взято им из некоей устной версии легенды о Рустаме. А ведь и имя мужа Родабы, *Зал*, тоже не имеет среднеиранских параллелей и также впервые зафиксировано в Шахнаме.

Как бы то ни было, *Родаба* (*Rōdāba*) имеет в целом ясную структуру: это композит, состоящий из двух лексем, *rōd* (< др.-иран. **rauta-* «река») и *-āb* (< др.-иран. **āpa-* «вода»), с суффиксом *-a* (< ср.-перс. *-ak*); дословно означает «(возникшая из) речной воды» (см. СКЛÆRVØ 1998: 163f.) или просто «речная вода».

2.1.2 И, наконец, имя сына Рустама, *Сухраба* (в Шахнаме *Suhrāb*), по недоразумению убитого отцом. Оно не представлено ни в зороастрийских, ни в манихейских текстах, отмечено лишь в одной пехлевийской печати в форме *swhl'p* [*Suxgār*], а также в турфанском согдийском фрагменте предположительно VIII века как *swrx'p* [*Suxgār*] (см. YOSHIDA 2013: 210). Убедительной этимологии нет. Обычно считают сложным образованием, состоящим из перс. *surx* «красный» и *āb* «сияние, блеск» в значении «красное сияние», как бы «похожий на рубин или вино». Такое объяснение имени *Suhrāb*, восходящее к Ф. Юсти (см. Justi 1895: 313), на самом деле лишено основания, прежде всего из-за того, что оно выводит знакового героя за пределы семантического круга триады мать-сын-внук, составляющей основу сказания о Рустаме в Шахнаме. Слащавое обозначение «красноликий» и т.д. подобало бы, скорее, женщине, а не великому воину с трагической судьбой, потомку носящих эпические имена личностей. Посему, я уверен, вторая часть имени *-āb* — не отражение др.-иран. **āb(ā)-* «блеск, сияние», а закономерный рефлекс др.-иран. **āpa-* «вода». Ну а первый элемент композита, *suhr-* (*surx* — позднее развитие из *suhr*), должно быть, конечно, прилагательным, указывающим на качество или характер воды. Исходя из логики

семантического поля имен родителей Сухраба, это определение должно быть чем-то эпическим в контексте воды или реки, показывающим динамичность стихии, а не ее статическую характеристику. Следовательно, *suhr-* может быть регулярным отражением **sudra-* «быстрый» (ср. согд. *swδ swδn* [sōδ sōδən] «в спешке», арм. *-soyr, sur-am* «бежать, мчаться»), из прот.-иран. **śaud-*, восходящего к и.-е. **skeu-d-* (литературу вопроса, см. Асатрян 1989: 160). Таким образом, имя трагического героя, Сухраб (*Suhrāb*) дословно означает «бегущая вода, мчащаяся река», что отлично вписывается в парадигму имен его ближайших родственников по восходящей линии — отца, «наделенного силой реки» или «сильного как река», и бабушки, «рожденной из речной воды».

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСАТРЯН, Г. С. (1989), «Заметки об этимологических фигурах в иранском (на материале согдийской версии Вессантара-джатаки)», *ИФЖ*, №3: 152–163.
- JUSTI, F. (1985), *Iranisches Namenbuch*, Marburg.
- ĀNALANYAN, A. (1969), *Avandapatum*, Erevan.
- LURJE, P. B. (2010), *Personal Names in Sogdian Texts*, *Mitteliranische Personennamen*, Bd. II/8, *Iranisches Personennamenbuch*, Wien.
- SIMS-WILLIAMS, N./SIMS-WILLIAMS, U. (2014), “Rustam and His Zin-i Palang”, *Iran-Nameh* 29.2.: 14-22.
- SKJÆRVØ, P. O. (1998), “Eastern Iranian Epic Traditions II: Rostam and Bhīṣma”, *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.*, vol. 51.1-2: 159-170.
- SPIEGEL, Fr. (1871), *Erânische Altertumskunde*, Bd. 1, Leipzig.
- YOSHIDA, Y. (2013), “Heroes of the *Shahnama* in a Turfan Sogdian Text: A Sogdian Fragment Found in the Lushun Otani Collection”, *Согдийцы, их предшественники, современники и наследники*, Труды Гос. Эрмитажа LXII, Санкт-Петербург: 201-208.

Рукопись поступила в редакцию 14.11.2023

Рукопись принята к печати 18.12.2023

Асатрян Гарник Серобович

Доктор филологических наук, профессор,
директор Института востоковедения РАУ,
0051, Армения, Ереван,
ул. Овсепя Эмина 123
E-mail: garnikasatryan@gmail.com

Asatrian, Garnik Serobovich

Dr., Head of the Institute of Oriental Studies,
Russian-Armenian State University
0051, Armenia, Yerevan, st. Hovsep Emin 123
E-mail: garnikasatryan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Garnik Asatrian
*Institute of Oriental Studies,
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

ON PROPER NAMES IN THE SHAHNAMEH: RUSTAM'S FAMILY

This is a brief account of the proper names in the Shahnameh, particularly those of the close relatives of Rustam, the central figure of the epic, his mother and son, with a tentative etymology of the latter's name, *Suhrāb*, hitherto remaining unexplained.

K e y w o r d s: Proper Names in the Shahnameh, Rustam, Nārīmān, Sām, Zāl, Rōdāba, Suhrāb, Tahmēna, Farangīs, Iskandar, garlik.

ASATRIAN, G. S. (1989), «Zametki ob etimologicheskikh figurah v iranskom (na materiale sogdijskoj versii Vessantara-dzhataki), IFZh, N3: 152-163.

JUSTI, F. (1985), *Iranisches Namenbuch*, Marburg.

ŁANALANYAN, A. (1969), *Avandapatum*, Erevan.

LURJE, P. B. (2010), *Personal Names in Sogdian Texts, Mitteliranische Personennamen*, Bd. II/8, *Iranisches Personennamenbuch*, Wien.

SIMS-WILLIAMS, N./SIMS-WILLIAMS, U. (2014), “Rustam and His Zin-i Palang”, *Iran-Nameh* 29.2.: 14-22.

SKJÆRVØ, P. O. (1998), “Eastern Iranian Epic Traditions II: Rostam and Bhīṣma”, *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.*, vol. 51.1-2: 159-170.

SPIEGEL, Ft. (1871), *Erânische Altertumskunde*, Bd. 1, Leipzig.

YOSHIDA, Y. (2013), “Heroes of the Shahnama in a Turfan Sogdian Text: A Sogdian Fragment Found in the Lushun Otani Collection”, *Sogdijcy, ih predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki*, Trudy Gos. Jermitazha LXII, Sankt-Peterburg: 201-208.

Received on 14.11.2023

Accepted on 18.12.2023